

АЛЕКСАНДР ПАНКРАТОВ-ЧЁРНЫЙ:

«СИЛЬНОЕ БИОПОЛЕ СПАСЛО ОТ ГИБЕЛИ»

— Какие остались яркие воспоминания детства?

— Когда умер Сталин, мне было уже четыре годика, пятый. И вот я запомнил — дедушка мой вбегает, а мы с сестрой на печке сидим, суетливый такой, огляделся, никого вроде нет, и... к портрету Сталина. В красном углу висел портрет Сталина, на который дед, набожный человек, всё время крестился, перед тем как сесть за стол. Я был уверен, что Сталин — это что-то великое, как икона. А тут дед, не крестясь, встал на софу, взял портрет Сталина и... об колени. Говорит: "Всё, ирод". Сломал этот портрет и в русскую печку бросил, а за портретом стояла наша родовая икона Николая Угодника. Вот на кого он крестился, оказывается.

И второе потрясение у меня было в 1961 году. Помню, на "грудке" (это весенняя проталинка такая — "грудок" мы её называли) я ребятам рассказывал содержание потрясающего фильма "Бродяга" с Раджем Капуром (кто бы мог подумать, что позже я с ним познакомлюсь?!), который взбудоражил всю деревню. И вдруг смотрим: всадник скачет. И крик такой несётся: "Лю-ю-ди, твою бога мать! Лю-ю-ди, свет клином сошёлся!" Мы в ужасе думаем: ну всё, конец света. А он скачет, матом ругается, хохочет... Люди крестятся... Оказывается, Гагарин в космос полетел.

— Это правда, что вы сбежали из дома, чтобы поступить в театрально училище?

— Да. Мама была против. Потому что все мужчины у нас были офицерами и жили мы очень бедно. И мама, напуганная репрессиями, очень боялась, что её Сашка, если пойдёт в интеллигенцию, сможет лишнее где-нибудь сказать. В том, что эпоха репрессий вернётся, она не сомневалась. Поэтому мама говорила: "Саня, иди в офицеры". Шутила: "Ты у меня же страшненький, а за офицерами всегда симпатичные девчонки ухлёстывают. Глядишь, жена будет красавица".

— А почему она называла вас "страшненьким"?

— Я же был чудовищно конопатым, маленького роста, очень смешным. Во всяком случае, девчонки на меня внимания мало обращали.

— И так, сбежали вы...

— Не то чтобы сбежал. Мама уехала в Темиртау навестить брата. Оставила нам с сестрой какие-то деньги, ну а Зиночка, моя старшая сестра, говорит: "Санька, пока мамы дома нет, беги в артисты!" И все деньги, какие были у нас, мне отдала. И я решился. Но, оказывается, везде экзамены в театральные студии прошли. Я вычислил, что остался единственный вариант — Нижний Новгород, город Горький. Вот я в Горький и поехал.

— Как вас встретил город с добрым названием Горький?

— На вокзале меня остановила цыганка и как принялась хохотать. Ну я был очень смешной — в сандаликах на босу

Панкратов-Черный по праву может считаться страшным везунчиком. Во-первых, выжил, когда его репрессированная семья умирала с голоду на Алтайщине. Уцелел, когда (абсолютно случайно!) не угодил за решётку за... стихи, а затем — когда едва не погиб в страшнейшей автокатастрофе, предсказанной ему астрологом Павлом Глобой с точностью до дня и часа. Ну и, в-третьих, потому что с раннего детства мечтал работать в кино и работает.

больше рассмеялась: "Не бойся, деньги не трону! Дай руку..." Я дал. "Мальчик, хорошая у тебя будет судьба — всё сбудется. Приехал, наверно, куда-то поступать?" — "Да". — "Поступишь. И потом всё будет хорошо". Так и случилось: я поступил. Что интересно, на экзамене я чи-

тал стихотворение "Буря мглою небо кроет", а вся приёмная комиссия хохотала страшно, потому что у меня говор был чудовищный, алтайский — знаете, скороговорочкой говорить. То есть буря у меня в три секунды закрывала небо, и дитя также быстро плакало, это вызывало смех жуткий. Потом преподаватели мне рассказали, что в этом же училище учился

Евгений Евстигнеев и, как ни странно, тоже на экзамене по речи читал "Буря мглою небо кроет". Фантастика! Только он сплёвывал после каждого слова: "Буря... тфу... мглою... тфу... небо... тфу..." Когда его спросили, почему он сплёвывает, ответил: "Холодно!" Когда позже судьба меня с Евгением Александровичем свела, он мне частенько повторял: "Сань-

ка, не забывай — мы с тобой из одного гнезда!"

— Александр Васильевич, мне Людмила Петровна Сенчина рассказывала про предсказание насчёт вас и Талькова (она с ним дружила). Как было на самом деле?

— Это я потом узнал, что, оказывается, Игорьку не один раз предсказывали гибель... А этот случай произошёл примерно в конце восьмидесятых, когда мы отдыхали в Ялте в ресторане весёлой и шумной компанией. У Игоря были концерты, у меня — съёмки, а жили в одном отеле. Подошёл Паша Глоба, и начал разговор об астрологии. Но, во-первых, Игорь очень скептически относился к этому (да и я тоже). Шутка за шуткой, а Игорь-то парень такой крутой был, и, поскольку мы на грудь приняли уже крепенько, вели серьёзный разговор о России, а тут, на тебе, астролог какой-то! Мы ему: мол, что ты врешь, народ обманываешь? А он: "Хочешь и тебе предскажу?" Игорь: "Ну предскажи". Он ему и предсказал. А я вижу, конфликт нештучный назревает, и думаю, дай, разряжу обстановку, он и мне предскажет. Глоба сам удивился: странно, у вас совпадение — в один день и в один час погибнете. Но вот видите, я живой остался. Конечно, мы оба несерьёзно отнеслись к этому предсказанию и быстро о нём забыли. Вспомнил я об этом лишь седьмого октября 1991 года.

А днём раньше мы, измотанные ночными съёмками, возвращались из Ад-

Правда, все рёбра переломал и башку проломил. И лишь потом в новостях я услышал, что вечером 6 октября Игорь Тальков был застрелен в Санкт-Петербурге. Много позже Джуна объяснила, что у меня очень сильное биополе, оно-то и спасло от гибели.

— Правда ли, что у вас совершенно нет музыкального слуха?

— Слуха музыкального у меня, действительно, нет. В юности мне по носу кастетом шибанули, а на кончике носа, оказывается, нервные окончания, связанные со слухом.

— Как же вам удалось спеть знаменитую песню "А ну-ка, убери свой чемоданчик" из фильма "Мы из джаза"?

— Это весёлая, нет, скорее даже грустная история. Композитор Анатолий Кролл чуть с собой не кончил, потому что он с пёной у рта доказывал Шахназарову, что петь должен сам Панкратов, что таких голосов больше не существует. А Шахназаров ему отвечал: "Толя, я знаю Сашу со ВГИКа, он тебе не споёт". Но тот настаивал.

Мне налили для храбрости два стакана водки. Я встал к микрофону и как заорал! Бедный Кролл упал. Вся группа хохотала до слёз. А потом Владимир Карлович Шевчик, кинооператор, вышел и спел прекрасно. До сих пор все думают, что это я пою — один в один повторил мой голос.

— Какие самые невероятные байки и слухи вы о себе слышали?

— Я лично слышал две истории. То, что Панкратов-Чёрный — известный российский мафиози, подпольный мультимиллионер или, наоборот, нищенствует, живёт на крыше и стреляет деньги у знакомых режиссёров. Ой, каких только слухов о себе я не слышал — книгу впроку издавать! Какая-то газета писала, что я самый высокооплачиваемый актёр в России. После этого мне стали звонить друзья и коллеги и просить в долг тыщонку-другую долларов. А когда я отказывал, возмущались: вот на шестисотом "Мерседесе" ездит, а пять тысяч баксов одолжить не может!

А когда я однажды в интервью рассказал про эти слухи и сказал, что у меня на самом деле даже и телевизора-то нет, то мне из Воронежа прислали в подарок новенький телевизор. Очень хороший, он у меня до сих пор на даче стоит.

По материалам
информгентств.

